

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ФЕНОМЕН ПЕРЕВОДЧЕСКОГО МИФА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ И. И. КОЗЛОВА)

Представлен анализ механизмов создания и функционирования индивидуального переводческого мифа И. И. Козлова, одного из первых русских байронистов. Появление мифа о личности и творчестве Д. Г. Байрона рассматривается как результат использования различных переводческих стратегий адаптации иноязычных произведений на русский язык.

Ключевые слова: романтический перевод, стратегии адаптации, переводческий миф, И. И. Козлов.

В эпоху русского романтизма основной метод перевода определяется как «мифологический» («мифический») в соответствии с пониманием переводчиком-романтиком своей задачи как прочтения «между строк» чего-то большего, чем сам текст иноязычного автора, подлежащий переводу. Транслятор стремился осознать скрывающийся за иноязычным текстом идеал, которым вдохновлялся зарубежный поэт, и воссоздать именно этот идеал. Вследствие этого романтический поэтический перевод не может характеризоваться с позиций эквивалентности; одним из базовых является понятие «адаптация» часто в таких случаях, когда поэт обозначает свой текст как перевод. Хорошо известно, что интерпретация текста переводчиком являлась в те времена нормой литературной жизни. Это, конечно, в большой степени определялось личностью поэта-переводчика, основами его авторского сознания, чувством индивидуального стиля и желанием этот стиль передать. Но необходимо помнить, что передача авторского стиля не являлась приоритетной задачей переводчика-романтика, использовавшего иноязычный материал в своих художественных целях.

Попытка переводчиков-романтиков осознать принципы профессионального художественного перевода зачастую выявляла неспособность сгладить противоречия между романтической эстетикой перевода и желанием верно репрезентировать оригинального автора. Результат работы переводчика в таком случае являет как бы оборотную сторону романтического миромоделирования, отражает расхождение желаемого с действительным, и итогом переводческого труда становится некий миф об оригинальном авторе и его индивидуальных особенностях поэтики. Таким образом, на материале трансляций переводчиков-романтиков целесообразно исследовать проблему переводческого мифа.

Одним из самых ярких представителей «мифологического», адаптивного перевода являлся поэт-переводчик И. И. Козлов, друг В. А. Жуковского, ученик его поэтической и переводческой школы. Определяя метод перевода Козлова как «мифоло-

гический», адаптивный, мы оцениваем результат его деятельности, констатируем степень близости его переводов иноязычным оригиналам и определяем качество жанрово-стилевых трансформаций. Тем не менее в самом переводном творчестве Козлова имеются доказательства тому, что поэт, безусловно, чувствовал грань между своим и чужим словом, что ему свойственно было думать о своих текстах как о более близких и менее близких оригиналам, учитывая повышенный интерес переводчика к поэтике номинаций переводных текстов.

Переводчик-романтик И. И. Козлов, как известно, считается одним из первых русских байронистов; его страстное увлечение Байроном многократно становилось как поводом для благосклонных отзывов со стороны современников, так и объектом критики. Благодаря этому увлечению, длившемуся всю его жизнь, из-под пера Козлова вышли как замечательные переводы, близкие современному понятию эквивалентности, так и стихотворения, которые, будучи приписаны Козловым Байрону, на самом деле к поэтике последнего имеют весьма опосредованное отношение, а иногда и вовсе никакого не имеют. С одной стороны, в том, что современники Жуковского познакомились с блестящим творчеством великого английского романтика, есть, безусловно, и большая заслуга Козлова. С другой стороны, всю свою творческую жизнь Козлов, переводя Байрона, по сути, создавал миф о любимом поэте. Целью данного исследования является рассмотрение механизмов создания и функционирования этого индивидуального мифа, его истоков и результатов.

Русский байронизм, возникший и взращенный на благодатной для такого рода мировоззрения почве, был феноменом уникальным в мировом литературном процессе. Именно атмосфера, царившая в те годы в России, предопределила весьма одно-стороннее восприятие байронического мирозобраза и такое же однозначное восприятие личности самого Байрона. И дело не в том, что в ситуации тотального контроля над приходящими в Россию литературой и другими письменными материалами русские байронисты не знали истинной биографии

своего кумира. Она им была не нужна такой, какой была на самом деле, – с многочисленными и порой весьма неприглядными любовными похождениями, скандалами и прочими вещами, не соответствующими с необходимым прогрессивному русскому обществу героическим обликом Байрона. Эта сторона его жизни попросту игнорировалась, в результате чего образовался некий миф о Байроне, который мог быть как общественным, так и индивидуальным, как в случае с байроническим мифом Козлова.

Анализируя обращения Козлова к байроновским произведениям с точки зрения их функционирования в авторском сознании как более близких или менее близких к источникам, неизменно возвращаемся к проблемам авторских номинаций текстов и принципов отбора текстов для перевода. Эти проблемы нераздельно связаны с индивидуальным и весьма оригинальным восприятием Козловым как творчества, так и персоналии Байрона.

В корпусе переводов из Байрона находятся интереснейшие доказательства стремления Козлова не только перенести творения Байрона на русский язык, сделать их доступными для широкого круга читателей (а фактически – создать миф о байроновской поэзии своим особым выбором и особенностями переводческой эстетики), но и, безусловно, доказательства желания Козлова создать миф о самой личности Байрона. В дневниковых записях [1, с. 39–42], сделанных для себя, а не для читателя, очевидно отношение Козлова к Байрону: восхищение гением, но неприятие его мизантропической позиции по отношению к миру, который, по Козлову, в сущности «божий свет» (это определение много раз появляется и в оригинальных стихах Козлова, и в его переводах из Байрона). Козлов, человек умный и тонко чувствующий, хоть и восторгается масштабом гения, но не разделяет основ его мировидения.

То, что мы видим в составе переводов Козлова, которые были созданы не для личного пользования, как дневники, а непременно должны были стать достоянием общества, дает представление о русском переводчике как о создателе своеобразного мифа о Байроне и как поэте, и как личности.

Типы авторских номинаций текстов связаны у Козлова с их различным функционированием в авторском сознании как принадлежащих различным видам романтического перевода. Среди подзаголовков его трансляций – «перевод», «вольный перевод», «вольное подражание», «из...», «подражательный перевод» и другие способы определить степень близости перевода иноязычному произведению. Один из видов номинаций – указание на источник перевода и его оригинального автора; таким видом номинации переводчик заявляет о своей

интенции на воспроизведение оригинального текста с целью познакомить с ним читателя.

«Прости. Элегия Лорда Байрона, на разлучение супругов» – под таким заголовком впервые появляется в журнале «Сын отечества» [2] перевод одного из наиболее патетичных произведений Байрона «Fare thee well! And if forever...», написанного в марте 1816 г., вскоре после развода с женой.

Абсолютное большинство оригиналов Байрона, переведенных Козловым, так или иначе связано с какой-либо гранью мировосприятия и мирообраза самого слепого поэта (недаром еще его современники, в частности Ап. Григорьев, характеризовали его как особенного переводчика и подражателя: «Он переводит только то и подражает только тому, что связано внутренним, гармоническим единством с его душевным миром» [3, с. 244]). Но именно в случае с этим переводом трудно представить, каким из возможных элементов эта элегия привлекла внимание Козлова: ни содержательный, ни образно-лексический строй байроновского произведения не имеют ничего общего с поэтико-эстетической системой поэта-переводчика. Представляется, что Козлов здесь говорит с русским читателем от лица Байрона, за Байрона. Стратегия этой трансляции – перевод с установкой на высокую степень близости к источнику.

Несмотря на то, что, по утверждению Козлова, это именно «Элегия лорда Байрона», судя по номинации этого перевода, уже из названий текстов очевидна разнонаправленность эстетических установок двух авторов. У байроновского лирического героя это позиция непримиренного прощания (в данном случае совпадающего с реальным прощанием Байрона); в переводе же Козлова лирический герой предстает просящим прощения. При этом все произведения Байрона для Козлова в высшей степени автобиографичны.

Ни о какой мольбе о прощении у жены, со скандалом покинувшей его, у Байрона не может быть и речи. Доказательство – следующая оригинальная строка: «Even though unforgiving, never against thee my heart rebel» («Хотя мое сердце не простит, никогда оно не восстанет против тебя»). Известна также уничижительная характеристика бывшей жены, написанная Байроном на обороте разводного акта, а также номинация Clytemnestra (Клитемнестра – жена греческого царя Агамемнона, соучастница убийства собственного мужа) в письмах Байрона.

Рискуя навлечь на себя упреки осведомленных читателей в отступлении от жизненной и поэтической правды, Козлов представляет Байрона не гордым изгнанником с уязвленным самолюбием и сердцем, полным черной горечи, а страдальцем, признающим свою вину в случившемся, безумным

от горя и угрызений совести. Следующие текстовые замены, произведенные Козловым, наглядно демонстрируют эту позицию:

Byron: Still thine own its life retaineth –
Still must mine, though bleeding, beat; [4, с. 358]
(Все же твое <сердце> сохраняет жизнь,

Все же должно мое <сердце>, хоть и кровото-
чащее, биться).

Козлов: Твое то ж чувство сохраняет;

Удел же мой – страдать, любить [5, с. 79].

Русский поэт, не изменяя своему принципу амплификации текста за счет прямых характеризующих эпитетов, оценки ситуации там, где в оригинале ее нет, и в этом переводе сгущает эмоциональное напряжение. Этим усиливаются стилистические расхождения с байроновским текстом (в данном контексте курсивом отмечены приращения и текстовые различия): «удар жестокий», «нанести незаживающую рану» (Байрон) – «убить» (Козлов), «слова» (Байрон) – «думы страшные» (Козлов) и др. «Набор» таких трансформаций, в совокупности с открытым выражением переводческой интенции на верное воспроизведение оригинала, позволяет назвать этот перевод одним из ярких элементов индивидуального мифа Козлова о Байроне – человеке и поэте.

В подобном ключе, создавая свой индивидуальный миф о жизни, личности и творчестве великого англичанина, действует Козлов и в своем оригинальном творчестве. Истинное отношение к своему кумиру Козлов выразил в оригинальном стихотворении «Бейрон» (1824), возникшем как реакция на гибель поэта в Греции, куда, как известно, тот отправился «с казною, и ратью, и арфой своей» [5, с. 90]. Козлов стал одним из первых русских поэтов, откликнувшихся на эту «поэтическую» смерть. Внешне стихотворение представляет собой краткое событийное изложение жизни Байрона. В отношении мотивно-образного строя и поэтики необходимо сказать, что это произведение – сложный синтез реминисценций из Байрона (исследователи указывают на участок стихотворения, представляющий собой переложение отрывка из четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда»), автореминисценций, собственных характерных мотивов и образов Козлова, часто применявшихся в других его оригинальных и переводных произведениях. Таким образом, этот текст представляет собой метатекстовое образование, в котором синтезированы все наиболее индивидуальные моменты восприятия Козловым личности и творчества Байрона, отчего этот эпиграфально-одический текст становится весомым вкладом Козлова в мифотворчество в отношении своего любимого поэта.

Результатом индивидуального восприятия байроновского творчества И. И. Козловым стало также

создание несобранного лирического цикла переводов, в основе которого лежит специфический выбор произведений и отрывков из поэм по принципу наличия указания на их музыкальное воспроизведение. В итоге под пером Козлова Байрон представлен читателю как создатель песен и романсов: четыре текста на основе двух «Еврейских мелодий»; перевод отрывка из поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» под названием «Добрая ночь», представляющего в оригинале вставную песню; «Обворожение» – перевод песни духа из драматической поэмы «Манфред»; «Стансы. Из “Морского разбойника” Байрона» – перевод вставной песни главной героини Медоры (2–5 строфы 14 главы); «Стансы» (в оригинале – «Stanzas for music») и др. Такой специфический переводческий отбор стихотворений, а также отрывков из поэм, оформленных у Козлова по законам малых лирических жанров, представляется очень характерным для эстетики и поэтики самого русского поэта. Очевидно, из-за слепоты он не мог видеть графический облик оригиналов и воспринимал их с чужого голоса или переводил по памяти, поэтому одним из основных способов трансляции был для него вокальный перевод. Поэтому присутствие такого концентрированного песенного лиризма в творчестве Байрона становится очевидно и очень рельефно для русского читателя именно через переводы Козлова; тогда как в самом байроновском творчестве песенный лиризм – это только одна из граней, причем не самая яркая и репрезентативная. Эта черта байроновского творчества, возведенная переводческим выбором и поэтикой трансляций поэта-переводчика в ранг основополагающих, также является одним из элементов байронического мифа И. И. Козлова.

Крайним проявлением мифотворчества Козлова в отношении поэзии и личности Байрона можно считать создание русским поэтом-романтиком произведения, которому придана жанровая номинация, недвусмысленно соотносящая стихотворение с творчеством британского поэта. Этот феномен, называемый «метапереводом», – своеобразная мистификация русского автора, попытка выдать за перевод оригинальное русское стихотворение, таковым не являющееся, но построенное на принципе собирания в единое целое образно-стилевых особенностей какого-либо иноязычного автора.

В словаре перевода нет термина «метаперевод» [6]. Но этот авторский термин Е. Г. Эткинда, по нашему мнению, верно отражает сущность данного феномена. Вот как Е. Г. Эткинд определяет его значение: «Метаперевод – текст, выдающий себя за перевод, однако не являющийся таковым ввиду отсутствия оригинала. Метаперевод – нередко подражание, обобщающее характерные черты стиля того иноязычного автора, который служит поэту-пере-

водчику образцом. Нередко бывает так, что метаперевод ближе к этому автору, чем самый добросовестный, самый внешне точный и, казалось бы, самый близкий перевод» [7, с. 119].

Анализируя метапереводы Пушкина из Андре Шенье, Е. Г. Эткинд, в частности, отмечает, что в стихотворении «Каков я прежде был, таков и ныне я» (с подзаголовком «Отрывок из Андрея Шенье») поэт не только в точности воспроизвел стиль Шенье (лаконизм, сентенциозность, античная образность, обращение к друзьям, череда вопросов, александрийский стих), но и в сжатой форме выразил смысл всего его элегического цикла. Тонко чувствуя индивидуальный стиль, Пушкин мастерски создавал такие метапереводы, то есть тексты, которые легко идентифицируются в принадлежности какому-либо авторскому стилю.

В творческом наследии И. И. Козлова существует текст, написанный в 1825 г., которому автор при первой публикации в журнале «Новости литературы» [8, с. 61] предпосылает заглавие, недвусмысленно отсылающее к конкретному тексту Байрона: «Стихи, написанные лордом Байроном в альбом одной итальянской графини за несколько недель до отъезда своего в Мессолунги». Но произведения, сколько-нибудь похожего на оригинал данного, найдено не было. Н. Н. Бахтин предположил, что этот текст – оригинальное стихотворение Козлова. Канадский исследователь Дж. Баррат в своей монографии о творчестве Козлова [9], не приводя никаких доказательств, высказывает предположение о том, что текст-источник все же существовал, но был утрачен.

В. Г. Мойсевич резюмирует результаты поисков нескольких поколений исследователей: «Нам представляется, что Козлов делает компиляцию разных тем, сведя их в оригинальный текст» [10, с. 56].

Учитывая то, что никому из исследователей не удалось обнаружить текст Байрона, хоть сколько-нибудь похожий на этот «перевод», остается предположить, что это стихотворение как раз и представляет характерный случай метаперевода.

Подобные случаи сведения нескольких характерных для иноязычного автора мотивов в один оригинальный русский текст встречаются в творчестве Козлова довольно часто. Таковы, например, оригинальные «Венецианская ночь» и «К Италии» (в которых усматривается влияние отдельных мотивов и образов четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда») с той лишь разницей, что этим текстам Козлов не придавал своей авторской номинацией статуса перевода «конкретного» текста.

Вместо реального байроновского оригинала в основу этого стихотворения, видимо, легла некая структура, существующая в сознании Козлова, концентрирующая в нем приметы байроновского

идейно-тематического пространства и основных жанрово-стилевых тенденций. Задача такого воссоздания – в нашем понимании невозможная – для русского поэта таковой не являлась в силу того, что, создавая свой миф о Байроне, Козлов транслировал не реальные черты байроновского стиля, а свое представление о нем.

Нельзя сказать, что стихотворение «На отъезд» [5, с. 100–101] в строгом смысле является репрезентативным по отношению к байроновскому стилю отчасти потому, что представления Козлова о байроновском стиле были очень своеобразны, отчасти из-за того, что байроновский полифонический авторский стиль не может быть сведен к какому-то одному отдельному элементу.

Тем не менее можно усмотреть целый «букет» мотивов, характерных именно для переводов Козлова из Байрона: тяжкие ночные размышления о вынужденной разлуке с любимым человеком, неизведанном будущем, «неверной» (т. е. изменчивой) судьбе, а также переживания по поводу невозможности словами адекватно выразить тоску, волнение – всю палитру эмоций, охвативших душу лирического героя. Такой набор «байроновских» элементов Козлова весьма репрезентативен: из всего творчества Байрона русский переводчик во многих случаях выбирает лирику и отрывки, содержащие эти элементы в различных соотношениях («В альбом***» (1822), «К звезде в бессонную ночь» (1823), «Прости» (1823), «Добрая ночь» (1824), «Еврейская мелодия» (1825), «К Филону» (1827), «Еврейская мелодия» (1836) и др.).

Интересно, что во многих из них изначально, первыми же строками, задан похожий лирический сюжет и хронотоп и усматриваются прямые текстовые переключки. Ср., например:

«На отъезд»: Когда и мрак, и сон в полях,
И ночь разлучит нас... [5, с. 100]

«В альбом»: Когда над сонною рекой
В тумане месяц красный всходит...

[5, с. 70].

Впрочем текстовые переключки и сходный лирический сюжет находим не только в переводах из Байрона. Так, например, начинается переведенная в 1828 г. «Ирландская мелодия» Т. Мура:

Когда пробьет печальный час
Полночной тишины
И звезды трепетно горят,
Туман кругом луны... [5, с. 137]
А вот «Бессонница» (1827), тоже из Мура:
В часы отрадной тишины
Не знают сна печальны очи;
И призрак милой старины
Теснится в грудь со мраком ночи... [5, с. 128].

Следующий пример – это оригинальное произведение Козлова («Новые стансы», 1826):

Прости! Уж полночь; над луною,
Ты видишь, облако летит;
Оно туманной пеленою
Сиянье нежное мрачит [5, с. 111].

Таких примеров можно привести множество. На вопрос о том, из какого же автора все-таки Козлов сделал свой перевод «На отъезд», единственно возможный ответ – из своего собственного оригинального и переводного творчества.

Достойным внимания представляется размер этого метаперевода: чередование четырехстопного и трехстопного ямба создает ощущение трансляции характерного байроновского стиха, сжатого и энергичного. То есть не будучи стесненным рамками реально существующего источника, Козлов в своем «воображаемом» переводе оказался способен передать характерные для байроновского стиля стремительность и сжатость, в отсутствии которых русского поэта так часто упрекали еще его современники, читая его реальные переводы из Байрона.

Таким образом, конгломерат оригинального и интерпретационного (совокупность реальных жанрово-стилевых характеристик байроновского творчества и представлений переводчика-романтика об этих приметах оригинального авторского стиля) результирует у Козлова в тексте, который функционально является не переводом из оригинального автора и не оригинальным стихотворением, а воплощением в поэтической форме индивидуальных переводческих представлений об общих приметах стиля и особенностях идейно-эстетических воззрений иноязычного поэта.

Такое явление, безусловно, представляет собой высшее проявление мифологического перевода: теоретические рассуждения переводчиков-романтиков о необходимости делать переводы, представляя, как бы это написал иностранный поэт, будь он русским, Козлов воплотил на практике, создав за Байрона произведение, в котором контаминировал наиболее репрезентативные, по его мнению, приметы эстетики и поэтики.

Указанный тип адаптации иноязычных произведений по определению не может претендовать на эквивалентную передачу идей и стиля оригинального автора для читателя, но он, безусловно, в полной мере отражает осознанное или неосознанное стремление русского поэта создать миф об оригинальном авторе для русского читателя. В ситуации

«избыточности» переводов из Байрона в эпоху романтизма, при всем обилии трансляций байроновских произведений Козловым, нельзя сказать, что ему удалось создать этот миф о Байроне для читателя. Современники отчетливо понимали, что по переводам Козлова нельзя составить адекватное представление о Байроне; об этом красноречиво свидетельствует прижизненная критика переводов. Точнее будет указать на то, что Козлов, несомненно, создал миф о себе как одном из первых русских байронистов. И концепция байроновского творчества в его интерпретации имеет ряд характернейших черт творческого сознания самого русского поэта.

Именно потому, что константой романтического перевода являлось самовыражение, а не попытка донести до читателя своеобразие оригинала, стремление русского поэта-переводчика передать свое «впечатление» о Байроне – человеке и поэте – привело к возникновению многогранного творческого мифа, механизмом создания которого явился специфический переводческий отбор произведений в совокупности с применением различных переводческих стратегий, включая принцип вокальной трансляции, установку на точный перевод, метаперевод и др. Миф И. И. Козлова о Байроне является, вероятно, самым ярким и комплексным в мифотворчестве русских романтиков.

Крайне интересным представляется выяснение роли и функций переводческого мифа в принимающей культуре с позиций теории культурного трансфера [11]. «Механизм проникновения одной культуры в другую инициируется участием культурных «посредников», осуществляющих подобный смысловой культурный перенос идей в другой контекст восприятия. При этом функция профессиональных посредников – нивелировать культурную дистанцию с целью продуктивного КТ» [там же, с. 24]. Созданный «профессиональным посредником» – переводчиком в результате культурного трансфера феномена личности и поэзии образ Байрона оказался в принимающей культуре его практически полной противоположностью. Очевидно, что доминантной функцией такого типа культурного трансфера является стремление одной культуры объясниться, объяснить себя за счет другой, увидеть в зеркале чужой словесности себя, утвердить собственные ценности и приоритеты.

Список литературы

1. Дневник И. И. Козлова // Старина и новизна. СПб., 1906. С. 39–42.
2. «Сын отечества». 1823. № XVIII. С. 182–184.
3. Григорьев Ап. Стихотворения Ивана Козлова // Sertum bibliologicum в честь проф. А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 242–248.
4. Байрон Д. Г. Избранная лирика: сб. на англ. яз. с параллельным русским текстом. М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2004. 768 с.
5. Козлов И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1960. 506 с.

6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
7. Эткинд Е. Г. Метапереводы Пушкина (Андре Шенье в пушкинской поэзии) // *Res traductologica: перевод и сравнительное изучение литератур*. СПб.: Наука, 2000. С. 119–128.
8. *Новости литературы*. 1825, янв.–дек.
9. Barrat G. R. V. *The Translations from Byron*. Berne and Frankfurt/M., 1972. 128 p.
10. Мойсевич В. Г. И. И. Козлов – переводчик британских поэтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Омск, 2006. 231 с.
11. Добачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. Вып. 8 (98), 2010. С. 23–27.

Тихомирова Ю. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: yat77@mail.ru

Материал поступил в редакцию 02.12.2011.

Y. A. Tikhomirova

STRATEGIES OF POETIC TEXT ADAPTATION AND THE PHENOMENON OF TRANSLATOR'S MYTH (DATA OF RUSSIAN ROMANTIC POET I. I. KOZLOV'S TRANSLATIONS)

The article explores the mechanisms of creating and functioning of I. I. Kozlov's individual translator's myth concerning the creative works and personality of D. G. Byron. I. I. Kozlov is known as one of the early Russian byronists. Appearing of this myth is viewed as a result of using various strategies of translation and adaptation of English poetry into Russian.

Key words: *Romanticism translation, strategies of adaptation, translator's myth. I. I. Kozlov.*

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: yat77@mail.ru